

УДК 821.161.1 (Русская литература)

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ РОМАНА Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»
(О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПОЭТА С СЕМЬЕЙ АВДЕЕВЫХ В ЧИСТОПОЛЕ)**

© 2025 Н.М. Валеев

*Наиль Мансурович Валеев, доктор филологических наук, профессор,
действительный член Академии наук Республики Татарстан
заведующий Камским научным центром Института татарской энциклопедии
и регионоведения имени М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан¹
главный научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа
и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр Российской академии наук»²*

E-mail: an-rt@yandex.ru

¹Академия наук Республики Татарстан

²Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр
Российской академии наук»
Казань, Россия

Статья поступила в редакцию 26.03.2025

В статье речь идет о жизни и творчестве будущего лауреата Нобелевской премии по литературе Бориса Леонидовича Пастернака, впервые оказавшемся в Чистополе один на один с глубинной реальностью, с настоящей почвенной Россией, возмечтавшем остаться здесь насовсем. Дружба Пастернака с семьей советских интеллигентов Авдеевых послужила основой при создании образа главного героя романа «Доктор Живаго» – Юрия Живаго – и оказала большое воздействие на судьбу и творчество поэта. Истоки произведения следует видеть и в постоянном доброжелательном общении Б.Л. Пастернака с хозяином квартиры В.А. Вавиловым – участником Гражданской войны и партизанского движения: многие эпизоды из его повествований легли в основу прославленного романа, над которым Пастернак начал работу в Чистополе в марте 1942 г. В данной статье рассматриваются возможные корни романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», привлекаются архивные и мемуарные документы, научные труды. Цель статьи – раскрыть дружеские взаимоотношения Пастернака с семьей земского врача Дмитрия Дмитриевича Авдеева, показать роль Авдеевых в диалоге с эвакуированными в город на Каме деятелями культуры, искусства, литературы, особенно – в диалоге-дружбе с Б.Л. Пастернаком.

Ключевые слова: Борис Пастернак, роман «Доктор Живаго», город Чистополь, семья Авдеевых, прототип Юрия Живаго

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-101-50-62

EDN: AVZITU

Введение. В данной статье утверждается мысль о необходимости внесения существенных изменений в историю русской советской литературы военной поры, несправедливо оставившей без внимания двухлетний период чистопольской эвакуации Б.Л. Пастернака и историю создания романа «Доктор Живаго», снискавшего его автору Нобелевскую премию. Множество документов свидетельствуют о том, что работать над произведением Б.Л. Пастернак начал весной 1942 г. в Чистополе. Новые знания, полученные автором в городе на Каме от мудрого доктора Дмитрия Дмитриевича Авдеева и от хозяина квартиры Василия Андреевича Вавилова – участника гражданской войны и партизанского движения – вошли в текст романа.

Из 200 эвакуированных в Чистополь писателей около 30 более или менее регулярно посещали гостеприимный дом-клуб-салон Авдеевых. Именно эта семья – известный в крае врач Д.Д. Авдеев, и его сыновья – старший Арсений Дмитриевич, кандидат исторических наук, режиссер Ленинградского театра юного зрителя, и младший Валерий Дмитриевич, кандидат (с 1952 г. – доктор) биологических наук, краевед, художник, библиофил, поэт, – сумели создать для неожиданных гостей родного города совершенно дружескую обстановку, какой не было в других городах СССР – Казани, Елабуге, Куйбышеве, Перми, Ташкенте и др. Множество воспоминаний последних лет, публикаций писем военного периода подтверждают это.

Здесь лишь будет обозначен общий вектор наших исследований, с упором на биографию Д.Д. Авдеева. В декабре 1950 г. П.А. Павленко, бывший одним из руководителей Московского объединения писателей, писал членам литературного кружка при школе №1 Чистополя: «В Чистополе я писал главным образом для газет... бывал в военном госпитале, где медсестрой работала моя жена, дочь писателя К.А. Тренева, посещал Дмитрия Дмитриевича Авдеева, человека весьма замечательного, достойного изучения и описания, отличнейшего советского интеллигента...» [Валеев Н.М., с. 10].

Известный в советскую эпоху писатель П.А. Павленко быстро понял, с кем он имеет дело, общаясь с Д.Д. Авдеевым, уловив в нем тип «человека замечательного, достойного изучения и описания». Конечно же, неслучайно П.А. Павленко, человек чрезвычайно сдержанный в выражении своих чувств и эмоций, по воспоминаниям знавших его людей – суховатый – восхищенно надписал свою книгу выдающемуся современнику: «Дмитрию Дмитриевичу Авдееву – самому лучшему человеку на нашей грешной земле. Низко кланяюсь Вам в пояс!» [Валеев Н.М., с. 10]. Попытка одним предложением высказать свою любовь бескорыстному подвижнику здравоохранения, спасшему жизни тысяч земляков, интеллигентному собеседнику, вызывает самые живые положительные и благодарные эмоции.

Думается, пришло время «изучения и описания» жизни и судьбы нашего удивительного земляка, Д.Д. Авдеева, давшего Чистополю возможность гордиться тем, что город выдержал «духовное испытание» классиками советской литературы своей эпохи, вместе со своими интеллигентными сыновьями, приняв с почестями каждого из них отдельно и группами, организовав в городе настоящий литературный салон, – место, куда они с радостью шли для душевного и профессионального общения. Пришло время исполнить завет известного писателя и предпринять попытку воссоздания из крупиц архивных материалов и немногочисленных воспоминаний жизненной судьбы доктора Дмитрия Дмитриевича Авдеева – прототипа Юрия Андреевича Живаго в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», и, по возможности, его сыновей.

История вопроса. Тема «Пастернак и Чистополь», как было сказано выше, практически не исследована. Особенно если говорить о таком конкретном ее повороте, как чистопольские прототипы персонажей «Доктора Живаго». Работы последних лет, посвященные Пастернаку и «Доктору Живаго» делают акцент на поэтике романа, или в целом о пребывании Пастернака и других членов Союза писателей СССР в Чистополе, иногда в общих чертах русской литературы сталинского и постсталинского периодов [Бакиров Р.А., Вестстейн В., Жолковский А.К., Чупринин С.И.]. Однако же именно вопрос об истоках системы персонажей, их характеров практически не ставится. Представляется необходимым заполнить данную научную лакуну.

Методы исследования. В данном анализе уместно ориентироваться преимущественно на традиционные подходы к выяснению прототипической основы художественных текстов. В первую очередь, сделаем акцент на историко-биографических особенностях взаимодействия Б.Л. Пастернака со своими современниками и введения их в художественную структуру романа. Для этого была предпринята работа в российских и зарубежных архивах. Особенно это касается малоизученных местных материалов, которые дают возможность по-новому осветить и понять «чистопольские страницы» жизни Б.Л. Пастернака, увидеть его путь в роман «Доктор Живаго», начиная с марта 1942 г. в Чистополе (а не с осени 1945 в Москве). Эти страницы, несправедливо оставшиеся за пределами внимания пастернаковедов, необходимо ввести как в биографию поэта, так и в историю советской литературы военного времени.

Результаты исследования. Есть основания полагать, что прототипом Юрия Живаго является чистопольский собеседник Б.Л. Пастернака Д.Д. Авдеев.

Среди множества сохранившихся воспоминаний о семье Авдеевых приведем одно из наиболее ярких, дочери классика советской литературы К.А. Федина, возглавлявшего в 1941–1942 гг. Чистопольское отделение Союза писателей СССР, актрисы Нины Константиновны Фефиной (1922–2018):

«Своеобразным «литературным клубом» был дом известного и почитаемого в Чистополе врача Дмитрия Дмитриевича Авдеева. Его популярность в городе и округе была огромна. Это был идеальный тип старого земского врача. Дом его стоял в противоположном от берега Камы конце города, на улице Карла Маркса. Это был добротный, старый дом, когда-то весь принадлежавший Д.Д. Авдееву, но в описываемое мною время семья Авдеевых занимала лишь его половину.

Д.Д. Авдеев был очень высокий, худощавый пожилой человек (мне он казался стариком), с большими, пушистыми усами и лысой головой. Ходил он всегда в свободной блузе, подпоясанной ремешком, носил высокие сапоги. Говорил спокойно, медленно, немного окая, ухмыляясь в длинный ус. Любил шутить. Он был главой дома. Домашние его почитали и побаивались. <...>

В гостиной Авдеевых можно было встретить Л. Леонова, Б. Пастернака, К. Тренева, М. Исаковского, Н. Асеева, М. Петровых, А. Степанову, А. Фадеева, И. Сельвинского, П. Павленко, А. Твардовского, се-стер В. Маяковского и многих других именитых и неименитых людей.

В длинные зимние вечера, при свете старинной керосиновой лампы, висящей над столом, читали стихи и прозу, обсуждали злободневные события, слушали рассказы писателей-фронтовиков.

Радужие и гостеприимство семьи Авдеевых очень во многом скрашивало нелегкую жизнь людей, оказавшихся далеко от родного дома» [Федина Н.К., с. 232-233].

Ко времени написания процитированных выше воспоминаний отец и сыновья Авдеевы уже ушли из жизни – Дмитрий Дмитриевич в 1952 г., в 73-летнем возрасте, Арсений Дмитриевич в 1966 г., в 65 лет, и Валерий Дмитриевич в 1981 г. в 73 года. Сыновья, были бездетны, продолжателей их просветительского дела не осталось.

Нина Константиновна с большой теплотой вспоминает «литературный клуб» – дом Авдеевых военной поры, куда она, будучи дочерью Федина, разумеется, была вхожа. Самые близкие отношения у 19-летней девушки, студентки ГИТИСа, установились с 40-летним Арсением Дмитриевичем Авдеевым – актером и режиссером Ленинградского ТЮЗа, в стенах которого прошло ее детство. Им было о чем поговорить. Оба страстно любили театр, жили им. Кроме того, они вместе выступали на чистопольском радио, имея соответствующие артистические способности – прекрасную дикцию, умение мастерски подавать материал.

Дружила она и с Валерием Дмитриевичем – ученым-ботаником, с которым вместе весной 1942 г. в лесу собирали различные лекарственные растения и травы, из которых он составлял красивые гербарии.

Отмечая влюбленность всех Авдеевых в искусство, литературу, Н.К. Федина несколько не преувеличивает. Единственную поправку следует внести лишь в ее предположение, что «все писатели, художники и артисты, волею судеб оказавшиеся в Чистополе, были желанными гостями этой замечательной семьи. Двери их дома всегда были открыты...» [Валеев Н.М., с. 122]. Нина Константиновна справедливо отмечает, что «радужие и гостеприимство семьи Авдеевых очень во многом скрашивало нелегкую жизнь людей, оказавшихся далеко от родного дома». Многим из эвакуированных дом-клуб-салон Авдеевых оказал гостеприимство, стал местом душевного отдохновения; Авдеевы поддерживали материально, щедро угощали многих из своих именитых гостей.

«Особенно приятно, что здесь есть дом, где почти забываешь о том, где, как и почему живёшь, – писала Наталья Константиновна Тренёва, дочь и жена классиков советской литературы К.А. Тренёва и П.А. Павленко, зимой 1942 г. М. Алигер, – это у здешнего врача Авдеева. У него, вернее, у его сына-художника, чудесная библиотека, главным образом поэтов, и совершенно замечательная коллекция пластинок. Я, одурев от хозяйства, от возни с детьми, от вечной сосущей тревоги, иногда окунаюсь в совершенно изысканное времяпровождение – позирую для портрета трём художникам зараз под музыку Скрябина и Чайковского и обсуждаю перевод Пастернака «Ромео и Джульетты». Забавно, правда?» [Громова Н.А., с. 174]. Чудесная библиотека, замечательная коллекция пластинок классической музыки, радужие и гостеприимство удивительных хозяев свидетельствуют, что писатели в доме Авдеевых оказались в духовно близкой им среде. В своих воспоминаниях об отце [Валеев Н.М., с. 24-26] Арсений и Валерий Авдеевы тоже упоминают об этом: «Писатели в шутку называли квартиру Авдеевых «филиалом Московского клуба писателей», хотя тут же уверяли, что в Москве они никогда не собирались в таком количестве, в таком составе, и никогда не проводили время так тепло и уютно...». Три художника пишут портрет дамы, Б.Л. Пастернак читает свой только что завершённый перевод пьесы У. Шекспира. Всё это воспринимается, как фантастический сон, особенно если соотнести время и место происходящего: война видоизменила ракурсы восприятия текущей жизни, разделила жизнь всех причастных, затронутых событиями на их глазах вершащейся истории на до и после. И здесь же

– Чистополь, дом-салон-клуб Авдеевых, писатели и художники. Поэтому настолько точным у писательницы Н.К. Трениной оказалось вышеупомянутое образное описание действия: «...дом, где почти забываешь о том, где, как и почему живёшь».

Отсюда можно понять и восхищение всех гостей хозяевами дома, главным дирижером которого был, конечно же, Дмитрий Дмитриевич Авдеев – мудрый человек, навсегда поразивший общавшихся с ним, в том числе и Б.Л. Пастернака, сделавшего его прототипом героя главной книги своей жизни – романа «Доктор Живаго».

Сам факт, что Борис Леонидович подарил весь свой архив, всю переписку чистопольского периода, автографы стихотворений и переводов Валерию Дмитриевичу Авдееву, то, что он посвятил Авдеевым, их уютному, теплomu дому свои всемирно известные ныне стихотворения, свидетельствуют об этом. Думается, что и послечистопольское продолжение диалога Авдеевых с Б.Л. Пастернаком до конца земной жизни поэта также подтверждает нашу правоту. После отъезда писателей из Чистополя летом 1943 г. общение всех Авдеевых с ним продолжилось, но уже в ином формате: гостеприимных чистопольцев принимали у себя классики советской литературы. Каждую поездку в Москву Авдеевы, разумеется, чаще всего сыновья Дмитрия Дмитриевича, созванивались и встречались с несколькими из бывших постоянных гостей своего дома.

Чистополь – без столичных удобств и каких-либо излишеств – оказался городом с человеческим лицом: здесь эвакуированным искренне сочувствовали, жители выделяли им лучшие комнаты в своих домах, по мере сил помогали, заботились о детях и т. п. Все трудности и неудобства от пребывания в Чистополе десятков тысяч скитальцев, выброшенных войной из родных мест и своих домов, горожане без обиды воспринимали как временные, порождённые общей бедой – войной с чудовищным фашизмом. Ярким свидетельством установившихся добрых отношений чистопольцев с эвакуированными было продолжение общения с ними в переписке, длившейся многие годы по окончании войны, и пусть редкие, но радостные встречи-воспоминания в Москве.

В Чистополь Пастернака «влюбили» Авдеевы. Их душевная красота, чистота и искренность поразили поэта, поэтому он так тянулся к ним. Увы, он не вернулся к обещанному продолжению стихотворения «Когда в своих воспоминаньях...», где предполагал описать своё отношение к благородному семейству Авдеевых. Две-три фразы могли расставить все точки над *i* в его диалоге с самыми культурными жителями города (и не только). Будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Б.Л. Пастернак поставил своеобразный памятник чистопольскому врачу и его сыновьям уже в стихотворениях, написанных в 1942 – 1943 гг. в городе на Каме в годы войны: великолепные стихотворения-экспромты «Когда в своих воспоминаньях...» и «Грядущее на всё изменит взгляд...». 24 декабря 1942 г. Б.Л. Пастернак записывает в альбом В.Д. Авдеева свое известное стихотворение «Когда в своих воспоминаньях я к Чистополю подойду», в котором описывает «дни авдеевских салонов», а в примечании обещает написать продолжение о самих Авдеевых и о чистопольских зимах, которые полюбил.

Д.Д. Авдеев не случайно стал прототипом главного героя романа «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, а также доктора Таланова в пьесе «Нашествие» Л.М. Леонова. Большой удачей для «московских чистопольцев» оказалась в городе такая семья – культурных, образованных, гостеприимных людей. Без понимания сути происходивших исторических событий, великого движения народов, согнанных с насиженных мест общей бедой – войной, не мог состояться диалог Авдеевых с эвакуированными в Прикамский город знаменитостями. Они понимали, что ренессансная эпоха, духовное пиршество для Чистополя – не навсегда. Авдеевы искали пусть и обременительного, но важного и нужного и для них, и для гостей города диалога. И он состоялся: благодаря Авдеевым Чистополь выдержал «духовное испытание» войной и вошел в историко-литературное и культурное пространство страны и мира!

Литературовед Н.Б. Иванова совершенно справедливо обозначила прообраз Юрия Живаго – чистопольского врача Д.Д. Авдеева [Иванова Н.Б.]. Наиболее близким собеседником-единомышленником Б.Л. Пастернака в Чистополе был сын Д.Д. Авдеева Валерий Дмитриевич Авдеев, человек высокой культуры, краевед, поэт, художник. Вероятно, некоторые черты его характера дополнили образ главного героя романа в неразрывной связи с личностью врача-подвижника.

В комментариях ко второму тому Полного собрания сочинений Б.Л. Пастернака говорится: «В середине октября 1941 г. Пастернак был эвакуирован в Чистополь на Каме. Жизнь в северном провинциальном городке отразилась в стихах 1943 г., написанных уже по возвращении в Москву...». «Трагический тяжелый период войны, – писал Пастернак в заметке 17 февр. 1956 г. – был живым периодом и в

этом отношении вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми» [Пастернак Б.Л., 2005, Т. II, с. 416]. Именно в Чистополе, где Б.Л. Пастернак прожил без малого два года, он возвращался в простонародной среде, видел, чем и как живет народ, который понятия не имеет о благах цивилизации, о преимуществах столичного бытия и нисколько не страдает от их отсутствия. И все это оказалось настолько близким ему, что он готов был остаться на постоянное жительство в провинциальном городе, где нет столичных интриг, двоемыслия, зависти, где возможно свободное творчество.

В примечании к записке Пастернака от 18 февраля 1942 г. Д.Д. Авдееву сказано: «Д.Д. Авдеев – известный чистопольский врач, отец Валерия Дмитриевича, будущего профессора ботаники, и Арсения Дмитриевича, театроведа. Авдеевы с горячим интересом относились к литературе и открыли двери своего дома для регулярных вечеров, где собирались эвакуированные писатели...» [Пастернак Б.Л., 2005, Т. IX, 10, с. 265]. Яркие представители советской интеллигенции военной поры, Авдеевы, как никто в городе, понимали, что эвакуация большей части Союза писателей СССР в Чистополь – это дар небес. Они открыли двери своего гостеприимного дома классикам советской литературы, и, разумеется, вскоре стали их равноправными собеседниками, поскольку произведения большинства гостей были в обширной домашней библиотеке Авдеевых, и были прочитаны по мере их публикации. Они, скорее всего, справедливо полагали, что произведения, написанные в Чистополе и их авторы станут предметом изучения для специалистов в будущем, а 1941 – 1943 гг. войдут в историю советской литературы военного времени.

Чистопольский врач Дмитрий Дмитриевич Авдеев стал прототипом нескольких главных героев в произведениях классиков советской литературы, проживавших в Чистополе в 1941–1943 гг.: Юрия Живаго в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», Ивана Таланова в пьесе Л.М. Леонова «Нашествие». А.А. Фадеев с восхищением писал об удивительном докторе и, сравнивая его с чеховскими интеллигентами, отдавал предпочтение своему чистопольскому знакомому. Собираясь писать об Авдееве и К.А. Федин, для чего запросил у Валерия Дмитриевича подробную биографию отца. П.А. Павленко был убежден в необходимости изучения и обстоятельного описания уникальной жизненной судьбы Д.Д. Авдеева.

Представляется необходимым подробнее рассказать о практически забытой теперь личности Д.Д. Авдеева.

Заслуженный врач РСФСР и ТАССР Дмитрий Дмитриевич Авдеев прожил большую, интересную, богатую трудовую жизнь. Он родился в 1879 году в семье «чистопольского купца третьей гильдии», торговавшего посудой и имевшего свои отделения на широком пространстве Российской Империи, от города Чистополя на Каме до Читы и Петропавловска в далекой Сибири.

Казалось бы, перед Дмитрием Дмитриевичем открывалась прямая и ясная дорога: за отцовский прилавок, собирать гроши с легковых покупателей... Но не пошел он этим путем легкой и обеспеченной жизни... Еще в детстве, в отличие от своих братьев, он не проявлял никакого интереса к коммерческой деятельности, но зато обнаружил большие способности к учению. И тогда отец решил: «Митрия надо учить». Мальчика отдали в Чистопольское Духовное училище, которое подготавливало сельских священников, дьяконов, и было чем-то промежуточным между начальным и средним учебным заведением. По определению родителей Дмитрия Дмитриевича ждала теперь духовная карьера: по окончании Училища он был помещен в Казанскую Духовную Семинарию, а в честолюбивых мечтах отца уже мерещилась Духовная Академия. «Чего доброго, быть Митрию архиереем: мальчишка-то толковый». Но не оправдал надежд отца Дмитрий Дмитриевич и на этот раз.

После блестящего окончания курса Семинарии, тайком от отца (вспомните, что это было в девятнадцатом веке), молодой человек без всяких средств к существованию едет в далекий сибирский город Томск и поступает на свой страх и риск на медицинский факультет Томского университета.

Гроза разразилась немедленно, как только отец узнал об «измене» сына-ослушника: он поступил так, как и должен был поступить купец, надежды которого не оправдались в коммерческом предприятии. Отец проклял своего сына и, отказавшись от него, вычеркнул из своей жизни. А это значило, что и в материальном отношении Дмитрий Дмитриевич был предоставлен полностью самому себе. Он к этому времени был уже женат и ждал первого ребенка. Трудно жил молодой студент со своей семьей.

Бывало, что обрезки от колбас в колбасной, которые хозяйки покупали обычно для кошек и собак, казались редким лакомством. В 1905 году Дмитрий Дмитриевич Авдеев кончает «первым» (теперь мы сказали бы: с отличием) курс Медицинского факультета, сдает государственные экзамены и получает звание «лекаря», т.е. по-современному – врача.

Окончив с отличием университет, молодой врач немедленно получает крайне лестное предложение: остаться при кафедре и заняться научной работой. Надо сказать, что в то время научные работники были крайне редки, и подобное предложение свидетельствовало прежде всего о выдающихся способностях молодого человека. И тогда произошло нечто совершенно неожиданное, даже для его руководителей. В то время как многие из его сотоварищей были бы предельно счастливы и не раздумывая ухватились бы за столь заманчивую перспективу, – Дмитрий Дмитриевич от предложения и карьеры профессора отказался: нет, он хочет быть немедленно полезным, он хочет немедленно лечить людей.

Он подает заявление в Чистопольское Земство и поступает земским врачом, заведующим шестым медицинским участком в село Изгары, Чистопольского уезда Казанской губернии, предпочтя глухие, неграмотные, нищие, забытые и забытые российские деревни просторным светлым университетским клиникам, а спокойную, обеспеченную, солидную профессорскую жизнь – тревожной, полной забот и огорчений жизни сельского врача. Он ехал в с. Изгары на одно лето, а проработал в Чистопольском районе и городе свыше 47 лет.

Тяжелое наследство досталось начинающему врачу от его предшественников. Так называемая «больница шестого медицинского участка» в с. Изгары представляла собою старый деревянный барак, где в двух общих палатах (мужской и женской) на пятнадцать всего койках размещались больные всяких заболеваний. К больнице примыкала крохотная амбулатория, где в одной комнатке ежедневно производился врачебный прием и совершались все необходимые медицинские процедуры – перевязки, впрыскивания, удаление зубов и т. д. – а в другой – размещалась аптека и каждому принятому врачом больному изготовлялись сейчас же медикаменты.

Шестой медицинский участок занимал территорию радиусом в шестьдесят километров. На этом пространстве находилось свыше пятидесяти населенных пунктов с населением около сорока четырех тысяч человек. И на всю эту территорию приходились один врачебный пункт с больницей и амбулаторией в с. Изгарах и два фельдшерских пункта в с. Чебоксарке и с. Саврушах, под которые Земством арендовались крестьянские избы-пятистенки: в передней «горнице», помещался «фельдшерский пункт», в задней – жил сам фельдшер со всем своим многочисленным семейством.

Часто приходилось делать сложнейшие операции. Дмитрий Дмитриевич делал собственноручно и хирургические, и гинекологические, и даже глазные, пожалуй, самые опасные и самые сложные из всех: плохая работа врача могла окончиться слепотой больного... К счастью, не было таких случаев. Дмитрий Дмитриевич любил позднее вспоминать: «Кончил я образование, так сказать, отличником. Казалось бы, теоретическая подготовка была хорошая, и вот приехал на участок – и чувствую, что практически ничего не знаю, ничего не умею, ничего не могу. Легко было растеряться. Помогло сознание огромной ответственности: ведь, я – один, и кроме меня, никто людям не поможет, я ОБЯЗАН это делать... И так помаленьку дело и наладилось... А потом, конечно, когда поработал, и все теоретические знания окупались с лихвой».

Работать земскому врачу приходилось в исключительно трудных условиях. Приведем пример. Преподавал в Томском университете известный в то время в России профессор-гинеколог Грамматикати. Он открыл новый способ хирургического вмешательства в случае неправильных родов, когда речь шла о спасении жизни матери. Этот способ известен в науке под названием «кесарево сечение», давал очень хороший эффект и представлял собою рассечение полости живота; профессор горячо рекомендовал эту операцию, конечно, в исключительных случаях. Когда Грамматикати демонстрировал в условиях клиники свой метод студентам, он неоднократно обращал их внимание на то, что при такой операции, как обязательная, должна соблюдаться полная, исключительная чистота, на медицинском языке – полная стерильность, так как занести инфекцию во вскрытую полость роженицы было очень легко. И вот через некоторое время после того, как врач Д.Д. Авдеев приступил к исполнению своих обязанностей, его вызывают на участок к женщине, которая не может родить: по всем признакам у нее неправильное положение плода, везти в больницу нельзя. Врач едет сам и наталкивается на такую картину. Небольшая деревенская изба. В углу на лавке, «под божницей», укрытая каким-то тряпьем,

лежит роженица: она в тяжелейшем состоянии, почти без пульса... В непосредственной близости от больной, на стене – вешалка, где все, проходящие в избу, снимают и вешают верхнюю одежду; на полу валяется куча грязных снятых только что лаптей. А в соседнем углу на полу (в двух шагах от роженицы) недавно обьягнившаяся овца на соломе облизывает своих новорожденных. Молодой врач отдает распоряжение тут же в русской печке вскипятить воды и, скрепя сердце, делает операцию. Женщина была спасена.

Подобных случаев в практике врача Дмитрия Дмитриевича Авдеева было очень много, в особенности на первых порах деятельности. Ему прежде всего приходилось завоевывать и утверждать авторитет не только свой лично, как врача, но и самой науки, медицины, как таковой. Большие расстояния от больницы, слабая медицинская помощь на местах привели к тому, что население обращалось к врачу только в самых крайних случаях, предпочитая или совсем не прибегать к медицине, или идти на поклон к знахарке, «бабушке», повитухе, которые были гораздо ближе и доступнее, чем настоящая медицинская помощь. Приходилось утверждать преимущество научного метода перед таинственными манипуляциями знахарок, лечивших больных зализыванием ран, «накидыванием» горшков и т. д.

Официально считалось, что по положению врач, заведующий участком, должен был оказывать помощь больным на стационаре: он не был обязан выезжать на место, кроме самых тяжелых случаев. Но не в характере Дмитрия Дмитриевича было пользоваться официальными правами. Да и где это за километры можно определить с уверенностью состояние больного. И молодой врач в любое время, в любую погоду, в дождь и грязь, в мороз и метель лично выезжает к своим пациентам.

«Худая слава лежит, хорошая слава бежит», – говорит народная пословица. «Побежала слава» и о молодом докторе, который был прост в обращении с «мужиком», у которого для каждого находилось свое, нужное слово, а, главное, лечение которого приносило пользу... Стали создаваться легенды: «Пришел я к нему. Как он глянул на меня: тебе, говорит, надо мази... И вот, милай, я этой мазью-то тут тру, а там оно заживат. Я тру, а оно заживат!..». В результате все растущего доверия к молодому, но «башковитому дохтуру» посещаемость амбулаторных приемов стала резко увеличиваться и доходила в некоторые летние дни (когда до больницы можно было и пешком дойти!) до 600 и более человек в день.

Сам врач только осматривал больного, рецепт ему выписывал под диктовку врача фельдшер, а к изготовлению лекарств в аптеке привлекалось все свободное «население» больницы и вся семья врача: его жена, имеющая образование медицинской сестры, и даже сын-гимназист, увлеченно изготавливавший несложные рецепты.

Именно тогда с особой остротой вставал вопрос о кадрах. И в этом вопросе проявляется одна из основных черт характера врача Д.Д. Авдеева: он никогда, за всю свою трудовую жизнь, не считал для себя возможным работать в одиночку, он всегда пытался и создавал вокруг себя целый коллектив товарищей по работе, которых он увлекал личным примером, убеждением и любовью к работе, к труду.

На первых порах своей деятельности, создавая коллектив первой в своей жизни Изгарской больницы, он не только добивается от Земства заполнения штатов квалифицированными силами, но, не дожидаясь разрешения вопроса, начинает сам заниматься безвозмездно со своими соратниками тем, что мы теперь назвали бы «повышением деловой квалификации» и что было в новинку тогда. Он добивается не только того, что среди работников больницы появляются акушерка-фельдшерица и фельдшера со школьным образованием, но своим упорством и убеждением вынуждает некоторых из «ротных» лекарских помощников братья за учебники и успешно сдавать экзамены за курс фельдшерской школы. Конечно, он был заинтересован сам в том, чтобы его окружали надежные, знающие помощники.

После перевода в Чистополь и назначения в апреле 1922 г. заведующим лечебным подотделом в его руках оказывается вся медицинская служба, вся сеть медицинских учреждений района. А налаживать медицинское обслуживание населения опять-таки приходилось в тяжелейших условиях: только что закончившаяся гражданская война, разруха всего хозяйства страны, страшный голод в Поволжье, – обстановка, в которой надо было не только восстанавливать пострадавшее хозяйство, но и улучшать, развивать его.

В городе тогда не было инфекционной больницы, а было только отделение при больнице городской. Заведовать им не находилось человека, и Дмитрий Дмитриевич со всей горячностью бросился на этот «передний край обороны», выражаясь военным языком. В инфекционном отделении, а впоследствии в инфекционной больнице, построенной под его же руководством из приспособленного бывшего купеческого дома, Д.Д. Авдеев служил до конца дней своих. Упорным трудом вместе со своими сотрудниками он, Великий труженик, добился того, что смертность в больнице сократилась до минимально возможного процента, что заразные болезни перестали быть страшным пугалом для людей, когда человек, заболевший заразной болезнью, считал себя обреченным и терял всякую надежду на выздоровление, добился того, что инфекционные заболевания ликвидировались быстро и никогда не разгорались до пожара эпидемии. За крайне редкими исключениями, больные выходили из его больницы поправившимися, поздоровевшими, и добрым словом поминали веселого, шутливового, приветливого, внимательного врача, «спасшего их от смерти», как писали они ему потом в многочисленными благодарственных письмах. Особенно любили его дети, которые были в инфекционной больнице даже более частыми гостями, чем взрослые. Д.Д. Авдеев никогда не был специально детским врачом, но все детские инфекции были его заботой, так как в городе не было особой детской больницы для заразных больных.

Как уже было сказано, инфекционная больница в г. Чистополе была размещена не в специальном, а в приспособленном для нее помещении. Ее поместили просто в большом доме, бывшем когда-то купеческим жильем. Вполне понятно, что и оборудовать это помещение так, как этого хотелось бы, и, как это было бы нужно для инфекционной больницы, – не пришлось... Когда Дмитрию Дмитриевичу довелось ознакомиться с постановкой дела в Ленинградской больнице, он угрюмо сказал своему коллеге-ленинградцу: «Многое у вас хорошо, но немного можно применить у нас. Посмотрели бы вы, в каких условиях мы работаем». А благодаря личной энергии, и благодаря тому, что он умел увлекать весь коллектив, Дмитрий Дмитриевич добился того, что так называемые «внутрипалатные заражения», когда больной одной болезнью уже в больнице заражается другой, исчезли из практики этой инфекционной больницы, в случайном, приспособленном помещении. А когда больницу однажды посетил министр здравоохранения РСФСР, он долго не мог поверить, что в таких, не только трудных, но и невозможных условиях, удалось добиться ликвидации «внутрипалатных заражений» и сведения до минимума процента смертности.

Всю жизнь Д. Авдеев будет активен и в общественной деятельности. Он примет активное участие и в создании Изгарского Народного Дома – своеобразного местного Дворца культуры. Когда Дмитрий Дмитриевич перешел на работу в г. Чистополь, там не существовало общественной бани: жители города мылись в своих банях, зачастую «по-черному». Но зато в городе от прежнего царского режима остался никому ненужный Дом предварительного заключения, без которого вполне можно было обойтись. Заведующий лечебным подотделом Отдела здравоохранения Д.Д. Авдеев сумел убедить руководство города открыть в здании общественную баню. Также им был задуман и организован Дом отдыха для трудящихся в Берсуде, который многие десятилетия выполнял свои функции.

Очень любил Дмитрий Дмитриевич читать и читал много. Еще в бытность земским врачом он всегда выписывал несколько газет и журналов и для себя, и для своих близких. Детям уважение к печатному слову и любовь к книге прививались с самого раннего детства, книга ценилась и хранилась, небрежно обращаться с ней, а тем более запачкать или порвать книгу и в мыслях не было даже у самых маленьких. Забота о создании и непрерывном пополнении домашней библиотеки была чем-то само собой разумеющимся; вопроса о том, что надо приобретать книги, никогда и не возникало. В особенности это пристрастие к чтению развилось, конечно, после Октябрьской революции, когда расширилась сеть общедоступных библиотек и несравнимо выросло количество издаваемой печатной продукции. Но и всегда по вечерам трудно было представить себе Дмитрия Дмитриевича без газеты или журнала, или какой-нибудь книги в руках.

Каждый день вечером он садился на свое постоянное место за стол, надевал очки и регулярно прочитывал все получаемые в доме несколько газет. Именно в такой привычной и типичной для него позе и изображен он на портрете, написанном его младшим сыном... Страшно негодовал он, если кто-либо из его сослуживцев проявлял неосведомленность в текущих делах, путая, например, индийцев с индонезийцами (был однажды такой случай). Как рассердился тогда Дмитрий Дмитриевич: «Газет не читаете! Газеты надо читать, а не баклуши бить!» – кричал он, обычно всегда такой спокойный и внешне

выдержанный, хотя провинившийся был из его ближайших помощников и, как раз, «баклуши не бил». Что же касается художественной литературы, он прочитывал ее такое количество, что снабжать его новинками буквально не успевали три человека: его приятельница-библиотекарь и оба его сына. Когда во время Великой Отечественной войны ему довелось лично познакомиться со многими крупными советскими писателями, эвакуированными тогда в г. Чистополь, эти последние были предельно изумлены, что этот скромный, провинциальный врач оказывается давным-давно всех их знает по их произведениям, которые он уже прочитал.

В личной жизни это был крайне скромный и нетребовательный человек. Никогда и никому он не надоедал своими просьбами, когда дело касалось его личного устройства. Даже того, что ему, как и другим, полагалось по закону, он добиться не мог и получал все в последнюю очередь... Совсем другим он был, когда дело касалось общественных мероприятий: тут он мог быть и настойчивым, и надоедливым, и упрямым. Почти всегда он добивался положительных результатов, когда дело касалось других. К себе же он всегда применял излюбленное словечко: «Ладно: надо, так сделаю». Внешний облик его был всегда привычным и неизменным, так как «костюмы» свои он носил долго и менял неохотно («Чего это я буду наряжаться?»). Те, кто мало его знал, при первой встрече с ним бывали зачастую даже шокированы его слишком уж демократическим обликом, граничащим с простоватостью. С первого взгляда можно было и не поверить, что перед вами широко известный, популярный врач.

«Дом» врача Д.Д. Авдеева был всегда гостеприимным домом, и двери его всегда были широко открыты для друзей и просто для многочисленных знакомых. В «Изгарский период жизни» в его квартире была даже выделена специальная комната «для приезжающих», и, надо сказать, она никогда не пустовала: неделями, а то и месяцами в ней всегда кто-нибудь обитал... То это был родственник, то – сослуживец, едущий по делу и «заночевавший», то – знакомый, завернувший «на огонек» всего на один день, но уже позабывший, что он собирался скоро уехать.

Любил он музыку, русскую песню. Сам хорошо играл на гармошке, мог играть на гитаре, балалайке, мандолине, неплохо пел в хоре... И очень весело и заразительно умел плясать. На всех вечерах, «елках» и просто дружеских собраниях всегда организовывал, возглавлял и отплясывал «русскую кадрили», изобретал необычайно веселые номера и шутки танцевальные. Характерно, что в пляске, которой он руководил, принимали участие буквально все, невзирая ни на возраст, ни на умение. Дмитрий Дмитриевич умел создавать такую атмосферу общего безудержного веселья, что даже абсолютно не умеющий танцевать с увлечением плясал и получал от пляски ничуть не меньшее удовольствие, чем и первоклассный, заправский танцор.

Но не было для него ничего приятнее, как провести денек за Камой, на берегу реки. Каждый воскресный день (тогда он жил уже в Чистополе), не взирая на погоду, он отправлялся с утра на лодке на ту сторону реки Камы, где у него был даже сооружен специальный фанерный домик-палатка, и блаженствовал на песчаном берегу целый день, возвращаясь домой поздно вечером... Здесь он купался, бродил по горячему песку в солнечный день обязательно босыми ногами, разжигал костерок, обязательно и непременно сам кипятил чайник на костре, или варил «супец». «Не надыхаться» – говорил он поздним вечером, и с сожалением шел укладываться спать... Нигде не прозвучало, бывал ли на этой авдеевской даче Б.Л. Пастернак. Очень хочется верить в то, что Авдеевы не преминули познакомиться великого поэта с красотами Закамья.

Последнее десятилетие жизни Д.Д. Авдеев много трудился, особенно в годы Великой Отечественной войны, когда от каждого гражданина Советского Союза независимо от того, где он находился, на фронте или в тылу, требовалось предельное напряжение сил. Д.Д. Авдеев в середине 1940-х годов заболел: неизлечимый тогда рак начал проявлять себя. Как опытный врач, Дмитрий Дмитриевич не мог, конечно, не замечать его признаков, но он не придавал им значения, и никому и вида не показывал, что опасно болен... Его участок работы в здравоохранении – борьба с инфекционными заболеваниями – во время войны приобретал особо ответственный характер, и Дмитрий Дмитриевич не считал себя вправе уходить сейчас на отдых, хотя «по закону» он имел на него все права и основания. Однако, кроме обычных законов существуют, ведь, еще особые «законы сердца», а именно ими часто в своей жизни руководствовался врач Д.Д. Авдеев. В наитруднейшее время он не только остался на своем по-

сту, но и сумел добиться того, что, несмотря на большую скученность населения в военные годы, инфекционные заболевания не только не развивались в эпидемию, но и вообще не выходили за обычные рамки заразных болезней в мирное время.

В период Отечественной войны, помимо своих прямых обязанностей, Д.Д. Авдеев ведет постоянную, ответственную и интенсивную работу в местных военных комиссариатах по пополнению кадрами Советской Армии, будучи бессменным председателем медицинских комиссий, сначала в Городском, а потом в районном военном комиссариате. И по возрасту, и по состоянию здоровья он мог бы вполне освободиться от этой трудной и напряженной работы, но он сам считал себя "мобилизованным" и очень сердился, если кто-нибудь только заикался об его освобождении.

Между тем смертельная болезнь прогрессировала, и состояние Д.Д. Авдеева особенно ухудшалось в годы после окончания войны. Могучий организм и редкая воля боролись с болезнью даже в безнадежном состоянии так, что больной Дмитрий Дмитриевич лежал в постели буквально только несколько часов: к вечеру последнего дня жизни он слег совсем, а к утру нового дня, четвертого ноября 1952 г. его не стало. И последними его словами были не жалобы, не слова о смерти, а слова о недочитанной книге, прочитать которую так и не пришлось.

В некрологе, помещенном в Чистопольской газете о Д.Д. Авдееве было сказано: «Д.Д. Авдеев всегда был чутким и внимательным врачом, обладающим практическим опытом. Чуткий товарищ, отличный специалист, обладающий чувством нового, Дмитрий Дмитриевич снискал большую любовь и уважение всего медицинского персонала и населения не только города, но и ряда сельских районов» [Авдеевы А. и В., с. 35]. А. Фадеев писал тогда в Чистопольский горисполком: «Глубоко соболезную о смерти Дмитрия Дмитриевича Авдеева, которого знал лично, как человека, посвятившего всю свою жизнь трудящимся людям. Еще в условиях старой деревни Дмитрий Дмитриевич отдавал всего себя помощи крестьянам и крестьянкам и их детям. Именно поэтому он воспринял новый строй жизни, как воплощение тех идеалов, к которым он всю жизнь стремился, и этому новому строю жизни он посвятил все свои замечательные силы врача и человека. Мы – люди, знавшие его, навсегда сохраним в сердце память об этом неутомимом труженике» [Авдеевы А. и В., с. 35].

Духовный подвиг совершила семья чистопольского доктора Авдеева, в полной мере осознавая, каких гостей направила судьба в Чистополь. Цвет советской литературы – ее признанные классики – нашли в доме-салоне-клубе Авдеевых необыкновенно образованных, пытливых единомышленников, собеседников, равных которым немного было даже в Москве. Их послевоенный диалог с самыми известными из писателей показал, сколь прочные и дружеские связи установились у Авдеевых с «московскими чистопольцами». Б.Л. Пастернак, М.В. Исаковский, А.А. Фадеев, И.Л. Сельвинский и др. с радостью принимали своих чистопольских друзей до конца дней своих. В.А. Вавилов в каждую командировку в Москву останавливался у Б.Л. Пастернака в Лаврушинском переулке, навещал он и семью Перца Маркиша, после отъезда которой в Ташкент в их комнату вселился Борис Леонидович.

Знания об исторических событиях первой половины XX столетия, полученные из общения с Д.Д. Авдеевым и В.А. Вавиловым, легли в основу романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». «Многотрудное и святое духовное прошлое» наполнилось для Пастернака живым смыслом именно в Чистополе: «Великая Русская Революция, обессмертившая Россию, естественно вытекала из всего русского многотрудного и святого духовного прошлого и наполнила смыслом и содержанием текущее столетие», – так Б.Л. Пастернак понял и оценил влияние Октябрьской революции 1917 г. на судьбы всего мира в XX в. и отразил это в своём бессмертном творении, истоки и главное содержание которого наполнились смыслом в городе на Каме.

Выводы. Таким образом, работу над будущим романом «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернак начал в Чистополе весной 1942 г., где от Д.Д. Авдеева и В.А. Вавилова, из первых уст, получил знания об исторических событиях первой трети XX в., которые и были заложены в основу произведения. В последние десятилетия ученые обратили свое внимание на чистопольский период жизни эвакуированных в город писателей, и он постепенно входит в круг их научных интересов, что представляется важным и совершенно необходимым. Высвечиваются новые аспекты изучения данной темы, открываются широкие возможности для понимания роли и влияния провинциальной жизни на судьбу и творчество классиков советской литературы [Бакиров Р.А., Валеев Н.М., Иванова Н.Б., «Мы предчувствовали полыханье...»].

Два года, проведённые в эвакуации в Прикамском городе, перекроют душу поэта, здесь он обретёт внутреннюю свободу – в Москву Б.Л. Пастернак вернётся другим человеком. Что заберёт он с собой из Чистополя, кроме стихов и блистательных переводов? Самое ценное – идеи, наброски, прототипы героев своего главного романа – «Доктор Живаго». И приобретенное здесь знание о гражданской войне, партизанском движении.

Последние фотографии поэта в доме Вавиловых сделаны в середине июня 1943 г. Их автор – Валерий Авдеев, сын того самого доктора Авдеева, который станет прототипом доктора Живаго в романе.

Сам же Б.Л. Пастернак в Чистополе любил коротать тёмные зимние вечера у самовара на кухне. В общении с хозяином квартиры Василием Вавиловым формировалось его личное впечатление о революции, Гражданской войне. Пастернака интересовали подробности партизанского быта, а Вавилов в молодости воевал на стороне красных. Более того, одно время он даже находился в отряде легендарного партизанского вожака Иннокентия Кожевникова, который и стал прототипом Ливерия Микулицына. Впечатления от этих вечерних разговоров мы можем найти на страницах романа «Доктор Живаго», в котором главный герой также невольно попадает в партизанский отряд.

Бориса Леонидовича, как и других, тянуло в авдеевский дом, где дыхание войны ощущалось менее остро. На долгие годы он сохранит дружбу с младшим из братьев, Валерием, – учёным-биологом, и его отцом Дмитрием Дмитриевичем – известным чистопольским врачом. Более того, Пастернак соединит их личности в образе героя своего главного романа – Юрия Живаго.

Именно примеру Дмитрия Дмитриевича, истинного врача, который лечил людей, не разбирая – и белых, и красных – последует Юрий Живаго. «Не троньте, он для нас как святой!» – в своё время заступились за Авдеева люди, когда его за такую политическую «неразборчивость» белые чуть к стенке не поставили. Впрочем, красные доктора тоже чудом не расстреляли.

Перебирая окружение Бориса Леонидовича, можно найти писателей, актёров, музыкантов, художников, но не врачей, – рассказывает заведующая мемориальным музеем Б.Л. Пастернака в городе на Каме Любовь Демченко. Б.Л. Пастернак был достаточно здоровым человеком. Единственное тесное общение с представителями этой профессии у него было только здесь, в Чистополе.

Над своим романом Б.Л. Пастернак будет работать более пятнадцати лет. Известно, что очень долго он не мог придумать ему название. Пока... не получил письмо от Дмитрия Авдеева. И вот взгляд Бориса Леонидовича упирается в подпись: «Искренне расположенный к вам доктор Авдеев», и, озарённый, он размашисто выводит: «Доктор Живаго».

Есть среди героев романа человек с татарской фамилией Галиуллин, так распространённой в Чистополе. И у Галиуллина, по мнению исследователя творчества Пастернака Бориса Соколова, был реальный прототип. Это генерал-лейтенант Белой армии Викторин Михайлович Молчанов. Он родился в 1886 г. в Чистополе, в 1918 г. возглавил антибольшевистское восстание в Елабуге, где в своё время окончил реальное училище и где его брат был мировым судьей. Кстати, и действие «Доктора Живаго» происходит в тех же местах, где воевал Молчанов. За вымышленной рекой Рыньвой угадывается Кама. Молчанов, как и Галиуллин, происходил из простой семьи – был сыном чистопольского почтмейстера.

Но главное – именно в Чистополе происходит перелом в судьбе Пастернака. Если раньше он решался только на малую прозу, то, попав в эвакуацию, в годы великих испытаний для страны, он вплотную приступил к роману. Почему? В маленьком провинциальном городке будущий Нобелевский лауреат переосмыслил свою жизнь, обрёл внутреннюю свободу. Когда в его выстуженной комнате собирались коллеги по перу, он говорил: «Нет ничего более полезного для здоровья, чем прямотушие, откровенность, искренность и чистая совесть». Это высказывание он вложил в монолог доктора Живаго.

За два года тесного общения с Авдеевыми и В. А. Вавиловым Пастернак набрал необходимый ему материал для своего прозаического произведения. Нигде больше не имел он такого круга общения и такой экстремальной ситуации (войны), никогда так долго не жил в российской глубинке, где ему захотелось остаться навсегда. Чистополь – в основе повествования романа, чистопольцы – носители исторических событий – прототипы главных героев его!

Источники:

1. «Мы предчувствовали польханье...». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 - сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2: В 2 кн. Кн. 1 / Рук. коллектива Т.М. Горяева, сост. В.А. Антипина, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева. М.: РОССПЭН, 2015. – 894 с.
2. Пастернак, Б. Л. Полное собр. соч.: в 11 т. Т. II: Спекторский. Стихотворения 1930 – 1959 / Сост. и коммент. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово, 2005. 528 с.
3. Пастернак, Б. Л. Полное собр. соч.: в 11 т. Т. IX: Письма 1935 – 1953 / Сост. и коммент. Е.В. Пастернак и М.А. Рашковской. – М.: Слово, 2005. 784 с.
4. Федина, Н. К. Дом окнами на Каму... Июль 1941 года – январь 1943 года // Чистопольские страницы. Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания. Сб. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. С. 221-233.

Литература:

1. Авдеевы, А. и В. Жизнь для народа // Мы из Советской Татарии. Сборник. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1962. – С. 21-36.
2. Бакиров, Р.А. Городок на Каме // Асеев Н.Н. Избранные стихотворения и поэмы / Николай Асеев; сост., вступ. ст. и комментарии Р.А. Бакирова. – Казань: Изд-во «Заман», 2020. – С. 4-37.
3. Валеев, Н.М. Борис Пастернак в Чистополе. 1941 -1943. К истокам романа «Доктор Живаго». – Казань: «Заман», 2024. – 416 с.
4. Вестстейн, В. Описание персонажей в романе «Доктор Живаго» // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – С. 295-303.
5. Громова, Н. А. «Дальний Чистополь на Каме...»: Писательская колония: Москва – Чистополь – Елабуга – Москва. – М., Елабуга: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. – 240 с.
6. Жолковский, А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. – М.: НЛЮ, 2011. – 608 с.
7. Иванова, Н.Б. Я очень полюбил это звероподобное пошехонье... // Независимая газета. – 2016. – 22 сентября.
8. Леонов, Л. Гномы науки // Правда. – 1945. – 22 декабря.
9. Чупринин, С. И. Оттепель: События: март 1953 – август 1968 года. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 273 с.

ON THE QUESTION OF THE ORIGINS OF B.L. PASTERNAK'S NOVEL «DOCTOR ZHIVAGO» (ON THE POET'S RELATIONSHIPS WITH THE AVDEEV FAMILY IN CHISTOPOL)

© 2025 N.M. Valeev

Nail M. Valeev, Doctor of Philology, Professor,

Full member of the Academy of sciences of the Republic of Tatarstan

Head of the Kama Scientific Center of the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan¹

Chief Researcher of the Laboratory of Multifunctional Humanitarian analysis and Cognitive Philology of the Federal research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”²

E-mail: an-rt@yandex.ru

¹ The Academy of sciences of the Republic of Tatarstan

² Federal Research Center "Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
Kazan, Russia

The article discusses the life and work of the future Nobel Prize laureate in literature Boris Leonidovich Pasternak, who first found himself in Chistopol face to face with deep reality, with real edaphic Russia, who wanted to stay here forever. Pasternak's friendship with the Avdeevs, the wonderful family of Soviet intellectuals, served as the basis for creating the image of the protagonist of the "Doctor Zhivago" novel - Yuri Zhivago, and had a huge impact on the fate and work of the poet. The origins of the work should also be seen in the constant benevolent communication of B.L. Pasternak with his landlord V.A. Vavilov - a participant in the Civil War and the partisan movement: many episodes from his narratives formed the basis of the famous novel, the work on which Pasternak began in Chistopol in March 1942. This article examines the possible origins of Boris Pasternak's "Doctor Zhivago" novel, involving archival and memoir documents, and scientific works. The purpose of the article is to reveal Pasternak's friendly relationship with the family of zemskiy doctor

Dmitry Dmitrievich Avdeev, to show the role of the Avdeevs in dialogue with cultural, art, and literary figures evacuated to the city on the Kama, especially in dialogue and friendship with B.L. Pasternak.

Keywords: Boris Pasternak, the "Doctor Zhivago" novel, the city of Chistopol, the Avdeev family, the prototype of Yuri Zhivago

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-27-101-50-62

EDN: AVZITU

References:

1. «My predchuvstvovali polykhan'e...». Soiuz sovetskikh pisatelei SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Iiun' 1941 - sentiabr' 1945 g. Dokumenty i kommentarii ("We had a feeling of smudging...". Union of Soviet Writers of the USSR during the Great Patriotic War. June 1941 - September 1945 Documents and comments). T. 2: V 2 kn. Kn. 1 / ruk. kollektiva T.M. Goriaeva, sost. V.A. Antipina, Z.K. Vodop'ianova, T.V. Domracheva. M.: ROSSPEN, 2015. – 894 s.
2. Pasternak, B. L. Polnoe sobr. soch. (Full collection of essays): v 11 t. T. II: Spektorskii. Stikhotvoreniia (Spektorskii. Poems) 1930 – 1959 / Sost. i komment. E.V. Pasternak i M.A. Rashkovskoi. – M.: Slovo, 2005. – 528 s.
3. Pasternak, B. L. Polnoe sobr. soch. (Full collection of essays): v 11 t. T. IX: Pis'ma 1935 – 1953 (Letters 1935-1953) / Sost. i komment. E.V. Pasternak i M.A. Rashkovskoi. – M.: Slovo, 2005. – 784 s.
4. Fedina, N. K. Dom oknami na Kamu... Iiul' 1941 goda – ianvar' 1943 goda // Chistopol'skie stranitsy. Stikhi, rasskazy, povesti, dnevniki, pis'ma, vospominaniia. Sb (House with windows on Kama... July 1941 - January 1943 / Chistopol pages. Poems, stories, stories, diaries, letters, memoirs. Col.). – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1987. – S. 221-233.
1. Avdeevy, A. i V. Zhizn' dlia naroda (Life for the people) // My iz Sovetskoii Tatarii. Sbornik (We are from Soviet Tataria. Collected book). – Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1962. – S. 21–36.
2. Bakirov, R. A. Gorodok na Kame (City of Kama) // Aseev N.N. Izbrannye stikhotvoreniia i poemny (Collected poems and verses) / Nikolai Aseev; sost., vstup. st. i kommentarii R.A. Bakirova. – Kazan': Izd-vo «Zaman», 2020. – S. 4-37.
3. Valeev, N. M. Boris Pasternak v Chistopole. 1941-1943. K istokam romana «Doktor Zhivago» (Boris Pasternak in Chistopol, 1941-1943. To the origin of "Doctor Zhivago" novel). – Kazan': «Zaman», 2024. – 416 s.
4. Veststein, V. Opisanie personazhei v romane «Doktor Zhivago» // «Liubov' prostranstva...»: Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka (Description the characters in "Doctor Zhivago" novel // "Love of space...": Poetics of the place in Boris Pasternak's works). – M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2008. – S. 295-303.
5. Zholkovskii, A. K. Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty (Pasternak's poetics: Invariants, structures, intertexts). – M.: NLO, 2011. – 608 s.
6. Ivanova, N. B. Ia ochen' poliubil eto zveropodobnoe poshekhon'e... // Nezavisimaia gazeta (I really liked his animal like nowheresville... // Independent newspaper. 2016. – 22 sentiabria.
7. Gromova, N. A. «Dal'nii Chistopol' na Kame...»: Pisatel'skaia koloniia: Moskva – Chistopol' – Elabuga – Moskva ("Far Chistopol on the Kama...": Writing colony: Moscow – Chistopol – Elabuga – Moscow). – M., Elabuga: Marina Tsvetaeva House-Museum, 2005. – 240 s.
8. Leonov, L. Gnomy nauki (Gnomes of the science) // Pravda. – 1945. – 22 dekabria.
9. Chuprinin, S. I. Ottepel': Sobytiia: mart 1953 - avgust 1968 goda. (The thaw: Events: March 1953 – August 1968). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 273 s.